

Валерий Брюсов

Через пятнадцать лет

Валерий Яковлевич Брюсов

Через пятнадцать лет

Аннотация

«Москве художественной и отчасти Москве светской известно было, что Борис Петрович Корецкий, наш знаменитый архитектор, ежедневно, вот уже десятый год, обедает у Анны Николаевны Нерягиной. Каждый день, около 7 часов вечера, можно было видеть, как экипаж Корецкого направлялся к Пречистенке, загибал в один из переулков, где еще сохранились старинные московские домики, и останавливался у подъезда маленького особняка. Корецкий звонил у подъезда и, когда дверь отпирала все та же степенная горничная, входил в дом привычным движением, а кучер уезжал в ближайший трактир, чтобы вернуться за бариним около 11 часов вечера...»

Содержание

I	4
II	10
III	15
IV	19

Валерий Яковлевич Брюсов

Через пятнадцать лет

Рассказ нашего современника

I

Москве художественной и отчасти Москве светской известно было, что Борис Петрович Корецкий, наш знаменитый архитектор, ежедневно, вот уже десятый год, обедает у Анны Николаевны Нерягиной. Каждый день, около 7 часов вечера, можно было видеть, как экипаж Корецкого направлялся к Пречистенке, загибал в один из переулков, где еще сохранились старинные московские домики, и останавливался у подъезда маленького особняка. Корецкий звонил у подъезда и, когда дверь отпирала все та же степенная горничная, входил в дом привычным движением, а кучер уезжал в ближайший трактир, чтобы вернуться за бариним около 11 часов вечера.

Анна Николаевна Нерягина была еще молода и красива. Но никакие злые языки не могли сказать ничего предосудительного об ее отношениях с Корецким. Так как это кое-кого интересовало, то пускались в ход все средства домашнего сыска, вплоть до расспросов прислуги, — но приходилось уве-

ряться, что Корецкий был частым посетителем дома, и ничего более. Редко кто присутствовал на обедах у Нерягиной, большею частью за столом не было никого, кроме нее и Корецкого, но известно было, что никогда не позволял он себе по отношению к Анне никакой вольности, чего-либо большего, чем почтительный поцелуй руки. После обеда, если были в доме какие-либо посетители, пили кофе в гостиной и беседовали, но чаще Корецкий читал Анне вслух последний французский роман. Во всяком случае раньше полнотчи Корецкий уже был в своем клубе, где вел большую игру, и окна особняка, где жила Анна, темнели.

Молодежь больше ничего не знала о Корецком и Анне и только смеялась над забавной, идеальной связью с отцветающей красавицей молодого, красивого и богатого человека, которому ни одна женщина не отказала бы в своем внимании. Но те, которым было под сорок и за сорок, могли бы рассказать немало любопытного об том, как возникли эти странные отношения.

Анна Нерягина появилась в московском обществе пятнадцать лет тому назад, когда она вышла замуж за состоятельного эксдипломата, будировавшего правительство и потому покинувшего Петербург. С первых же шагов Анна завоевала сердца всех мужчин своей красотой, своим умением блистать, смелой оригинальностью своего обращения с людьми. Вокруг нее тотчас составиля широкий круг поклонников, которые твердили ей о ее красоте и о своей безумной люб-

ви. Корецкий тогда только что кончил курс Академии, начал свою деятельность архитектора и был еще никому не известен. Он влюбился в Анну сразу, по-юношески, но то была любовь редкая в наши дни: та, которая остается в душе на всю жизнь. Анна не оценила этого чувства и, кажется, охотно смеялась над наивной страстью своего нового обожателя. Корецкий этого не вынес и однажды, вернувшись из дому Нерягиных, где бывал часто, выстрелил себе в грудь.

Поступок Корецкого Анну поразил. Она немедленно приехала к нему, просила у него прощения, сказала, что его не любит и не может полюбить, но предложила ему свою дружбу. Корецкий от своей раны выздоровел и с того времени сделался у Нерягиных, в лучшем смысле слова, «другом дома» и поверенным всех тайн Анны, даже тайн ее любви. По общему мнению, только ловкости Корецкого обязана Анна тем, что ее муж в течение двух лет ничего не подозревал о той благосклонности, с какой принимала она ухаживания некоторых из своих поклонников. Молва же приписывала ей одного любовника за другим и много говорила о каком-то основанном Анной обществе «гамадриад»¹, где дамы лучшего круга, вместе с основательницей общества, предавались утонченному разврату.

Около двух лет Корецкий играл близ Анны эту роль наперсника, пока не свершилось неожиданной катастрофы.

¹ ...обществе «гамадриад»... – Гамадриады (древнегреч. мифология) – нимфы деревьев, которые рождаются вместе с деревом и гибнут вместе с ним.

Анна влюбилась в проезжего итальянца, скрипача-виртуоза. Вся ловкость Корецкого оказалась в этом деле бесполезной, потому что Анна и не хотела скрывать своей страсти к итальянцу, но, напротив, надменно выставляла ее на вид. Когда же слухи об этом дошли, наконец, и до мужа, Анна, не задумываясь, покинула его дом и переехала к своему любовнику. Произошел, конечно, скандал, с которым немного может сравниться в летописях московской жизни. Вскоре после того Анна вдвоем с итальянцем уехала за границу.

Никто в точности не знает, как жила Анна вне России. Уверяют, что итальянец обращался с нею дурно, всячески ее оскорблял, даже бил, обирал ее сколько мог и, в конце концов, просто прогнал. Из трех лет, что Анна провела за границей, она жила со своим любовником только несколько первых месяцев. Потом, ослепленная любовью, она продолжала повсюду следовать за ним в его артистических поездках, писала ему умоляющие письма, все ждала, что он вернет ее к себе... Наконец, стало ясно, что надеяться более не на что. Тогда, осенью на четвертый год после своего отъезда из России, Анна вновь появилась в Москве. С мужем она к тому времени была уже в разводе.

Корецкий ни на день не терял Анну из виду. Он был с ней в постоянной переписке и много раз просил у нее позволения приехать к ней за границу, чтобы жить рядом и помогать ей в чем бы то ни было. Анна всегда отказывала. Но когда ей пришлось, наконец, порвать с итальянцем и вернуться

в Москву, она не нашла никого другого, к кому обратиться, кроме Корецкого. Это Корецкий нашел для нее тот особняк, где она поселилась и хлопотал обо всем устройстве ее нового дома. Когда же Анна окончательно устроилась в Москве, Корецкий сделался ее постоянным и почти единственным посетителем.

Надо сказать, что иные жители переулка, узнав, что особняк снят Анной Нерягиной, пришли в немалое волнение. Они даже негодовали на хозяина дома, сдавшего его такой порочной женщине, которая, конечно, не преминет всю местность опозорить своим поведением. Но уже через несколько недель после появления Анны выяснилось, что она намерена вести жизнь очень скромную. Кроме Корецкого, она почти никого у себя не принимала, отказывалась возобновить отношения даже с теми из старых знакомых, которые сами этого добивались, редко куда выезжала и вообще не давала никаких поводов говорить о себе. Лето Анна проводила в имении у тетки, отдельно от Корецкого, который всегда весной уезжал за границу.

Годы проходили за годами. Поколение, помнившее о Анне, как о надменной красавице, законодательнице мод, сходило со сцены. Стала изглаживаться и память о давнем скандальном деле, о том, как жена русского аристократа убежала с скрипачом-итальянцем, а тот ее бросил. На глазах у всех была только трогательная преданность Корецкого Анне. Корецкого жалели, над ним смеялись, но об Анне уже все го-

ворили с уважением.

II

В тринадцатую годовщину того дня, когда Анна покинула дом своего мужа, Корецкий, по обыкновению, обедал у нее.

После обеда, за кофе, Анна спросила Корецкого:

– Вы читаете газеты?

– Вы хорошо знаете, – ответил он, – что вот уже несколько лет как я отучаю себя от этого яда. Конечно, полезно делать себе утром предохранительную прививку пошлости, – это несколько оберегает в течение дня. Но, увы! наши газеты предлагают нам пошлость в слишком больших дозах.

– Тогда прочтите вот это.

Анна указала место в газете. То было известие о смерти того скрипача-виртуоза, с которым когда-то Анна уехала из России.

Прочтя заметку, Корецкий с легким поклоном возвратил газету, и разговор перешел на другие новости. После обеда Корецкий читал Анне вслух только что вышедшие письма Сент-Бева². Но когда чтение кончилось и было уже время Корецкому распрощаться, он неожиданно попросил позволения затворить дверь, чтобы переговорить о важном деле.

² ...только что вышедшие письма Сент-Бева. – Сент-Бёв Шарль-Огюстен (1804–1869) – французский критик и поэт, один из ведущих литературных деятелей эпохи романтизма. В начале XX в. во Франции вышло в свет несколько изданий писем Сент-Бёва к различным корреспондентам.

Изумленная, Анна позволила.

Корецкий сказал:

– Анна! Пятнадцать лет тому назад вы мне объявили, что не любите меня и не полюбите никогда. Я вам ответил, что буду вас любить всегда. Я свои слова оправдал; может быть, оправдали и вы. Но разве, кроме любви, нет ничего, что связывает одного человека с другим? Разве я не стал необходимой частью вашей жизни, хотя вы меня по-прежнему не любите? Как стали бы вы жить, если бы я не приходил к вам каждый день и если бы в деревне вы не ждали каждый день моего письма? Вы моей преданностью связаны со мной теснее, чем связывает страсть. Пока был жив тот человек, я не хотел говорить вам о нашей близости ни слова. У вас, может быть, еще оставалась безумная надежда, что он вновь вас захочет видеть, позовет вас... Но он умер. Прошлое все кончилось. Теперь ясно, что наша близость не нарушится до конца наших дней. Я никогда не захочу отойти от вас; а вам некуда уйти. Хотите, Анна, утвердить этот союз? Я вам предлагаю, я вас прошу – быть моей женой.

Анна выслушала всю эту речь молча, потом ответила коротко:

– Я слишком дорожу нашей жизнью. Не хочу и боюсь нарушать ее чем бы то ни было. Действительно, вы бесконечно близки мне как мой друг. Я безмерно благодарна вам за вашу преданность. Но не знаю, остались ли бы мы столь же близкими как муж и жена. Итак, устраним этот вопрос навсегда.

Корецкий, не возражая, простился и уехал. Однако через несколько дней он вернулся к тому же разговору.

– Вы мне запретили говорить о моей любви к вам, – сказал он. – Но с того дня, как вы сообщили мне о смерти человека, которого вы любили, я более не в силах молчать. Пока он был жив, вы были вправе мне ответить: я люблю другого. Теперь вам нечего сказать мне. Я не прошу у вас любви – это не в нашей власти. Я предлагаю вам принять все то же, что вы принимали от меня до сих пор, но на правах моей жены. Я буду по-прежнему как бы ваш раб, преданный и покорный. Вы можете быть уверены, что я не потребую от вас ничего против вашего желания. Но неужели моя верность не заслуживает такой скромной награды, как признание ее перед нашим светом!

Анна, как и в первый раз, ответила Корецкому тихо и твердо:

– Я уже вас просила не говорить об этом.

И все же этот разговор стал возобновляться, сначала при каждом удобном случае, потом каждый день... А потом – другой темы для разговора у Корецкого и Анны не стало.

– Ваше согласие быть моей женой было бы наградой за мою преданность, – повторял Корецкий, – и оно ни к чему не обязывало бы вас.

– Я не хочу пустых форм без содержания, – возражала Анна, – я не хочу считаться вашей женой, когда не могу быть

ею по совести.

Когда Корецкий продолжал настаивать, Анна говорила ему:

– Я не понимаю, как для вас может иметь какое-либо значение одно звание моего мужа? И не понимаю, как верность и преданность могут ждать какой-либо награды?

Много раз на такие вопросы Корецкий отвечал уклончиво, прибегая ко всем исхищрениям своей диалектики, но наконец сказал прямо:

– Вы правы, Анна. Я до сих пор лгал и лицемерил. Я говорил о имени вашего мужа, о награде за свою преданность, тогда как разумел другое. Дело в том, что я люблю вас так же страстно, как любил двадцатилетним юношей. Годы ничего не изменили в моем обожании вашей души, вашего тела, всего вашего существа. По-прежнему, как мальчик, я дрожу при мысли о том, что прикоснусь губами к вашим губам. Неужели этому не суждено осуществиться никогда? Я ждал пятнадцать лет. Я пятнадцать лет говорил вам «вы». Я доказал вам, что люблю вас, – всем: верностью, заботливостью, самопожертвованием... Чтобы не уступить такой любви, надо быть из камня. Или я вам так отвратителен, что вам нестерпимо мое прикосновение? Почему же вы не сказали мне этого давно? Зачем же обманывали меня, притворяясь, что расположены ко мне? Зачем же принимали мою дружбу?

В волнении Анна попыталась его успокоить:

– Не надо этого разговора! Именно потому, что вы доро-

ги мне, что я ценю вашу верность, я и не хочу обманывать вас притворной нежностью. Я вам даю то, что могу дать искренно, от всей души. Не спрашивайте с меня большего.

Корецкий, потеряв над собой власть, бросил Анне оскорбительные слова:

– Вам тридцать шесть лет! Это возраст, когда женщина не увлекается как девочка, но когда все ее существо требует, чтобы с нею был мужчина. Десять лет вы отказывали мне в настоящей близости. Хотите ли вы заставить меня поверить, что у вас есть кто-то другой как любовник?

Побледнев, Анна возразила:

– Я не угадывала, как много низости вы ловко умели таить в течение пятнадцати лет.

Она встала. Корецкий схватил ее за руку, пытался обнять, повторял:

– Я люблю тебя! Я хочу тебя!

Анна освободилась из его рук и вышла из комнаты.

III

Так вырвалась на волю страсть, таившаяся пятнадцать лет.

Встречи Корецкого и Анны превратились в мучительные поединки мужчины и женщины.

Внешние формы их жизни не изменились. Корецкий приезжал к Анне к обеду, оставался у нее всего несколько часов и раньше полночи появлялся в своем клубе. Как всегда, он был строго корректен, ничем не выдавал переживаемой им драмы.

Но каждый день между Корецким и Анной возобновлялась трагическая распря предыдущего дня. Тема их разговора не менялась. Корецкий требовал любви, Анна отказывала ему. С каждым днем Корецкий становился более настойчивым, более упорным. В эти часы, наедине с Анной, он терял свою обычную сдержанность.

Он становился на колени перед Анной, он обнимал ее ноги, он ее умолял, он ее убеждал, он ее проклинал. Когда она сопротивлялась, старалась освободиться, он силой добивался ее поцелуев, порой опрокидывал ее на ковер, и они боролись, лежа, стараясь не делать шума, чтобы не услышали в соседней комнате. В порыве борьбы Корецкий порой рвал платье Анны, а она ударяла его по лицу, вырываясь. Безобразные сцены происходили между этими людьми, которые

в течение десяти лет избегали резкого выражения, резкого движения.

Теперь они говорили друг другу самые беспощадные, самые грубые слова.

– У тебя были десятки, сотни любовников! – говорил Корецкий Анне. – Неужели я хуже всех этих мужчин? Неужели тебе более противны мои ласки, чем какого-то итальянца, который презирал тебя!

– Да! да! – кричала ему Анна. – Ты мне противен, ты мне ненавистен! Я лучше отдамся последнему из прохожих, пойду продаваться на улицу, чем буду твоей!

Эти ожесточенные сцены не мешали им встречаться на следующий день и, словно по уговору, возобновлять спор с того места, на котором он остановился вчера.

Очень вероятно, что, если бы им представилась возможность вернуться к прежней мирной жизни, оба они, и Анна и Корецкий, схватились бы за эту возможность. Но уже нельзя было забыть произнесенных слов и поставленных Корецким требований. Мирная жизнь, которая в течение десяти лет баюкала все существо Анны, была безнадежно разломана. Оставалось или отказаться ото всего, что создалось за эти годы, от всего уклада жизни, от ее усыпляющего спокойствия и уюта, или уступить желаниям Корецкого. Тринадцать лет тому назад Анна нашла в себе достаточно сил и воли, чтобы переломить одно свое существование пополам и смело начать новое, но многие ли способны совершить такой подвиг

в жизни дважды? Между тем, отвечая упорно «нет» на все настроения Корецкого, Анна делала и второй выход все более трудным: мечта разгоралась так пламенно, что действительность не могла бы ее не обмануть.

Такое положение длилось около двух месяцев. Наконец настало утомление. В словах Корецкого стало сказываться меньше страсти, в поступках меньше исступления. Так, понемногу, могла отцвести, тихо поблекнуть и вся его любовь.

Анна вдруг решила.

В один из их вечеров она сказала Корецкому:

– Друг мой! Пора окончить наш спор, недостойный нас. Сейчас мы безумны и не можем рассуждать здраво. Я хочу исцелить нас обоих. Сегодня я не буду сопротивляться вашим желаниям. Напротив, я прямо скажу вам, что хочу вам принадлежать. Я хочу отдаться тебе. Подойди и возьми меня.

Пораженный Корецкий спросил:

– Но ведь ты не любишь меня? Ты меня ненавидишь? Анна ответила грустно:

– Если бы десять лет назад ты спросил у меня то же, что потребовал недавно, я уронила бы себя в твои объятия с последней радостью. Первые годы я ждала этого с тайной надеждой. Я берегла свое тело, я заботилась об нем для тебя. Потом я от своей мечты должна была отказаться. Я решила, что после всего совершившегося тебе не нужна я, как женщина. Что теперь осталось во мне? Обесцвеченная страсть и усталое тело. Я забыла, я утратила все слова любви, кото-

рые слишком часто обращала к тебе, когда оставалась одна. Я больше не найду всех движений ласки, которые столько раз простирала к тебе во сне. И я уже не хотела отдавать тебе обломков того прекрасного целого, взять которое ты не захотел... Но если ты хочешь меня – возьми.

Корецкий воскликнул:

– Так ты любишь меня! Боже мой! Ты любила меня все эти десять лет!

– Я любила тебя все десять лет, – произнесла Анна.

Корецкий слишком желал верить в то, что ему говорила Анна, чтобы он мог заподозрить правду ее слов. Призыв Анны слишком нежил его слух, чтобы он мог в ее голосе различить притворство, – даже если оно было... Корецкий стал на колени перед Анной и прижался губами к ее руке.

IV

В тот вечер Корецкий вышел от Нерягиной позже обыкновенного. Он все же поехал в клуб, играл в карты и проиграл довольно большую сумму. Это было ему досадно.

Вернувшись домой, он к своему изумлению нашел, что вместо чувства удовлетворения в душе у него какое-то растерянное сомнение. Он заставил себя думать о Анне, и поймал себя на том, что ему страшно ожидание новых с нею свиданий.

Тут в первый раз ему пришла мысль – немедленно уехать из Москвы.

Он лег в постель и долго читал новый томик Анатоля Франса.

Утром Корецкий проснулся с твердым намерением – ехать. Он позвал своего слугу и приказал взять билет в Вену. Потом сел писать письмо к Анне. Разорвав несколько листов бумаги, Корецкий решил, что все же благороднее переговорить с Анной лично.

Было только двенадцать часов дня, но Корецкий решил ехать к Анне немедленно.

Что-то необычное поразило его в самом облике дома Анны. Он позвонил у подъезда уже со смутным беспокойством. Отворила дверь все та же степенная горничная. Лицо ее было заплакано.

В доме уже слышался унылый голос монахини, читавшей над телом Анны.